

ОПЛАТА ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СИБИРИ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРИОД

Пути и судьбы российской государственности в последнее время становятся предметом пристального внимания исследователей. Это особенно относится к переломным эпохам отечественной истории, таким, как Гражданская война. Вот почему представляется закономерным интенсивное изучение сюжетов, связанных с политической историей данного периода, особенно на востоке России. В этом регионе сложился один из наиболее интенсивных очагов сопротивления советской власти, а государственное строительство в рамках антибольшевистского движения добилось наибольших успехов. Именно здесь сформировались правительства, претендовавшие на власть в региональном и общероссийском масштабе. В июне 1918 г. власть оказалась у Западно-Сибирского комиссариата, а 30 июня она была передана Временному сибирскому правительству (Омск). Осенью 1918 г. в результате длительных переговоров представителей разных направлений и оттенков антибольшевистского движения удалось сформировать единое Всероссийское правительство (Директория), которое было свергнуто в ходе военного переворота через 14 дней после того, как переехало в свою столицу – Омск. Это произошло 18 ноября 1918 г. В результате этих событий утвердилось Российское правительство адмирала А. В. Колчака, объединившее под своей властью более чем на год весь антибольшевистский восток России. Оно и создало единую систему государственных органов, восстановило почти в дореволюционном виде основные структуры власти и управления.

Административный аппарат – один из важнейших атрибутов любого государства. Он же составляет ядро его социальной базы – служащие государства поддерживают его действия наиболее последовательно. Вполне естественно, что антибольшевистские правительства заботились в первую очередь о материальном положении служащих и рабочих государственных предприятий и учреждений. Это вполне вписывалось в дореволюционную практику повышенной заботы государства о своих служащих и отчасти

даже перекликалось с параллельно развивавшимся и более поздним советским опытом. В отечественной историографии пристально изучаются быт и материальное положение дореволюционного чиновничества и других отрядов служащих, активно исследуется в последнее время советская номенклатура. Поразительно, что практически без внимания остался вопрос о положении государственных служащих в антибольшевистский период Гражданской войны, если не считать фрагментарного упоминания этой проблемы в монографии В. Г. Зиминной [1] и анализа материального положения милицейских и судебных органов в специальных исследованиях С. П. Звягина, П. Я. Мальгина и М. М. Степанова [2; 3]. И это несмотря на то, что перипетии политической борьбы в антибольшевистском лагере историки изучили тщательно и уже не на один раз.

Сибирский правительственный аппарат, насчитывавший очень небольшое количество служащих летом 1918 г., осенью стал быстро увеличиваться. Например, утвержденное в октябре 1918 г. штатное расписание Министерства юстиции предусматривало 69 должностей, а Главное управление налогов и сборов при Министерстве финансов – 314¹. Значительная часть штатов правительственных учреждений была утверждена с сентября 1918 г. по февраль 1919 г. Выявляется следующая тенденция: чем позже происходило утверждение штатов, тем более раздутыми они оказывались. В соответствии с постановлением Временного сибирского правительства от 22 июля 1918 г. все оклады вступали в силу с начала деятельности Временного сибирского правительства, и чиновники получили содержание по новым окладам с 1 июля 1918 г. Основная масса чиновников центральных учреждений получала оклад от 50 до 500 руб., губернских и уездных учреждений – в среднем на 100 руб. меньше. 16 сентября,

¹ Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства (Омск). № 14. Ст. 231; № 16. Ст. 257.

3 ноября и 27 декабря 1918 г. и в марте 1919 г. выплаты увеличили, введя так называемые надбавки на дороговизну². Причем в ноябре 1918 г. предусматривалась шкала обратной прогрессии. Чем выше базовый оклад, тем меньший процент прибавки получал служащий. Он колебался от 25 % у низкооплачиваемых работников до 10 % у чиновников, получавших высокие оклады³. В этом смысле можно отметить тенденцию к постепенному выравниванию окладов чиновников верхних и нижних классов. В марте всем ввели 35 %-ную надбавку к базовому окладу и стали практиковать выплату пособий в виде 50 % от суммы оклада, что с учетом надбавки на дороговизну составляло 202,5 % от базового оклада⁴. Все дальнейшие прибавки на дороговизну, а также пенсионные и иные вычеты производились со всего денежного вознаграждения, а не с базового оклада⁵.

Финансовый дефицит заставил экономить даже на зарплате чиновников, поэтому принимались далеко не все предложения об улучшении материального положения служащих. Так, Совет министров отклонил представление И. А. Михайлова от 24 декабря 1918 г. о повышении зарплаты и выплате к новогодним праздникам единовременной надбавки в размере полуторамесячного оклада⁶. Зато несколько дней спустя было решено выдать такое пособие служащим Хабаровска, жаловавшимся в Совет министров, что они получают свою зарплату местными советскими бонами, курс которых был на 30–40 % ниже общероссийских денег⁷. Позже это решение распространили на всех правительственных служащих Забайкальской, Сахалинской и Камчатской областей⁸.

Прослеживается особое отношение к столичному чиновничеству. Неоднократно рассматривались вопросы о повышении окладов и предоставлении надбавок именно для служащих центральных правительственных учреждений⁹. Однако за всеми дополнительными выплатами государственным служащим уследить очень сложно. 9 мая 1919 г. Совет министров разрешил Министерству финансов совместно с Государственным контролером производить дополнительные надбавки служащим центральных учреждений на дороговизну, не обращаясь

за утверждением в Совет министров¹⁰. Сколько составляли эти надбавки и как часто они выплачивались, судить трудно, так как их проводили в директивном порядке. Известно, что всем служащим Дальнего Востока и Иркутска на основании этого постановления произвели разовую надбавку в размере месячного оклада¹¹.

Существовавший в Поволжье, на Урале и в Сибири порядок предусматривал прием обратно на службу служащих, уволенных при советской власти, а само увольнение признавалось недействительным. Заработная плата за дни вынужденного безделья выплачивалась сполна, так же, как и все деньги, невыплаченные советской властью оставшимся на службе чиновникам. Это потребовало немалых средств. Правда, распоряжением Министерства финансов Временного сибирского правительства были закрыты все счета советских организаций, что вызвало техническую накладку в исполнении решения о выплатах служащим долгов по зарплате. Долго не могли решить, из каких средств выплачивать зарплату служащим за время советской власти. Невыплаченный в некоторых случаях до конца 1918 г. долг тем временем обесценивался¹².

Летом-осенью 1919 г. территория, подвластная Российскому правительству, стала сокращаться под натиском Красной армии. Но на численность государственного аппарата это повлияло не очень сильно. Он сокращался не пропорционально потерянной территории, так как подавляющее большинство чиновников эвакуировались на восток, сохраняя занимаемые должности. Лишь в последние пару месяцев существования Российского правительства началось бегство, когда многие чиновники, спасая себя, предпочли оставить места службы и потерять государственное жалование. Эта закономерность хорошо прослеживается по мемуарным источникам [5. С. 276], газетным сообщениям, но, естественно, не нашла отражения в документах в виде четких статистических сведений. Собственно, не существовало такой статистики и вообще в отношении численности государственного аппарата.

Представляется справедливым суждение министра финансов И. А. Михайлова о том, что качественный состав служащих в сравнении с предшествовавшим временем сильно ухудшился. Сибирь ощущала острый недостаток квалифицированных и опытных управленцев. «Число чиновников выросло непропорционально росту и значению работы» – таково было печальное резюме одной из аналитических записок министра на эту тему¹³. В то же время, в отличие от

² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 88 об. – 89. Также см.: [4. Вып. 3. С. 421–422].

³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 89; Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 янв.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 98.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 93; Д. 245. Л. 57–59.

⁶ Там же. Л. 81. (По другим сведениям – ежемесячно. См.: Там же. Д. 47. Л. 78–79).

⁷ Там же. Д. 47. Л. 90.

⁸ Там же. Д. 99. Д. 48. Л. 102.

⁹ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 77 об.

¹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 42 об.

¹¹ Там же. Д. 245. Л. 200.

¹² Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 71.

¹³ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 69.

дореволюционного периода, основная масса служащих, замещавших низшие должности, не была семейными людьми, и похоже руководство учреждений поощряло прием на работу именно таких служащих. Министерство финансов, по крайней мере, исчисляя оклады содержания, исходило из того, что содержание должно быть достаточным для выживания одинокого человека. Только служащим свыше 8 класса оклада должно было, по расчетам министерства, хватать для обеспечения семейства.

Надбавки и пособия, введенные для смягчения социальных проблем чиновничества, в условиях стремительной инфляции оказались малозначительными. Чиновники государственного аппарата никогда не были склонны к активным формам протеста, но регулярно и довольно организованно доводили до сведения руководства информацию о своем материальном положении, прося, а иной раз и требуя двукратного увеличения денежных выплат. Делалось это в порядке субординации через начальство, из чего, кстати, следует, что руководители учреждений присоединялись к настойчивым просьбам своих подчиненных об увеличении зарплаты. Прожиточный минимум в июле 1919 г. по сибирским городам в среднем составлял 470 руб., за август – 540 руб., за сентябрь 580–600 руб., если верить официальным данным¹⁴. При этом по различным городам наблюдались его значительные колебания. В Томске в мае 1919 г. он составлял 392 руб., в Тюмени – 481 руб., в Екатеринбурге – 707 руб. Но это не отражало истинной картины, так как официальный прожиточный минимум всегда оказывался ниже, чем реальный. Служащие Благовещенской таможни еще в декабре 1918 г. настаивали, что их прожиточный минимум составлял 700 руб. для холостого, 1 000 руб. для семейного, до уровня которых просили поднять оклады¹⁵. Летом 1919 г. чиновник, получавший менее 1 000 руб. (подавляющее большинство), мог позволить себе покупку предметов первой необходимости и едва ли был способен на приобретение одежды или обуви. За чертой бедности находились не только канцелярские служащие, но и работники милиции, налоговых служб, сферы образования. Это отрицательно сказывалось на работе большинства государственных структур и породило такие явления, как уход лучших и наиболее квалифицированных работников в негосударственные учреждения. К тому же, трудно найти более благоприятную почву для распространения коррупции и должностных правонарушений, чем нищенская зарплата служащих, принимающих ответственные решения.

Тот факт, что проблемы материального обеспечения чиновников занимали непропорционально большое место в деятельности антибольшевистских правительств по сравнению с другими актуальными вопросами, нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Лишь отчасти это связано со «шкурными интересами» чиновников, оставшимися, кстати, далеко не удовлетворенными, отчасти же является следствием естественного положения вещей. По известному закону А. Паркинсона, управленцы склонны обсуждать в деталях мелкие вопросы, о которых хорошо информированы, и, напротив, легко и быстро решать проблемы большего масштаба, от которых психологически обычно далеки [6. С. 38]. Поэтому малозначительные вопросы, касавшиеся ставок и штатов, могли вызвать жаркие споры.

В вопросе о повышении окладов и надбавок сильно сказывалось ведомственное противостояние. Дефицит денежных средств вынудил правительство выбирать наиболее приоритетные направления финансирования. В этом случае позиция и влияние руководителей министерств имели решающее значение, так как каждый достаточно полно представлял себе критическое положение с уровнем оплаты труда в своем ведомстве и прилагал все усилия для того, чтобы доказать необходимость скорейшего повышения зарплаты именно своих подчиненных. Достаточно много делалось в этом направлении руководством МВД и Министерства юстиции. Помимо традиционных надбавок Совет министров по просьбе соответствующих министерств повышал классы существовавших должностей. Но все надбавки не поспедали за инфляцией. Осенью 1919 г. газеты писали о том, что низкие оклады содержания судьям и милиционерам дорого обходятся обществу – система правосудия и охраны правопорядка работала крайне неэффективно, теряла свой кадровый потенциал. Не имея возможности расширять материальные стимулы к службе в милиции, Совет министров освободил милиционеров от службы в армии. Вводились премии, льготы, надбавки, впрочем, не менявшие кардинально бедственного положения служащих милиции. Наличие продовольственного и мануфактурного пайка существенно стимулировало службу милиционеров [2. С. 78–81, 180, 189]. В ситуации с милиционерами и учителями дополнительные сложности возникали в связи с двойным финансированием государством и органами самоуправления. Учителя и ранее финансировались частично земствами, частично из государственного бюджета. Милиция по «Временному положению о сибирской милиции» от 17 сентября 1918 г. (п. 8) на одну треть финансировалась из бюджетов местных органов

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 69 об.

¹⁵ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 13 декабря.

самоуправления¹⁶. Но земства и городские управы чаще всего были не в состоянии обеспечить свою часть выплат.

В некоторых случаях правительство шло на изыскание внебюджетных средств финансирования своих служащих. Это коснулось работников милиции. 9 апреля 1919 г. Совет министров разрешил учреждать дополнительные милицейские должности на частные средства. Этой возможностью воспользовались многие промышленные предприятия, некоторые частные лица и даже отдельные государственные ведомства [2. С. 192–193; 7. С. 65–67; 8. С. 127–129; 9. С. 37].

Правительство часто стремилось экономить на своих служащих, как и на рабочих казенных промышленных предприятиях. Например, 12 сентября 1919 г. комиссия по сокращению штатов, действовавшая при Министерстве труда, предложила очень существенные структурные сокращения центрального аппарата. При этом сокращаемым чиновникам предполагалось выдать не заштатное содержание, а единовременное двухмесячное пособие, которое следовало рассчитать по окладам, существовавшим до 1 августа 1919 г., т. е. в 2,5–3 раза более низким, чем действовали на момент сокращения¹⁷.

В отношении работников транспорта постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. вводились прибавки на дороговизну в 25 % с 1 октября 1918 г., а постановлением от 18 марта 1919 г. в 35 % с 1 марта 1919 г. Но это привело к увеличению окладов минимум до 209 руб., тогда как прожиточный минимум в марте 1919 г. определялся по Забайкальской железной дороге в 375 руб., а по Томской – в 400 руб. на одного человека. На Пермской дороге находились около 500 эвакуированных железнодорожных служащих. Они пребывали за штатом и получали пособие по 150 руб. Нищета служащих приводила к тому, что некоторые были не в состоянии выкупать продукты, привозимые им по карточкам по самым минимальным ценам¹⁸. И тем не менее важнейшим стимулом удержания рабочих и служащих железнодорожного транспорта стал продовольственный и мануфактурный паек. На востоке России продолжали действовать дорожные потребительские союзы, которые имели право льготной перевозки закупленных товаров по железным дорогам. В ноябре 1918 г. приступила к работе комиссия с широким представительством от ведомств и продовольственных

организаций каждой железной дороги, в задачу которой входило улучшение снабжения железнодорожников¹⁹. Вскоре Совет министров выделил 24 550 000 руб. для организации снабжения продовольствием и предметами первой необходимости рабочих и служащих Омской, Томской, Забайкальской, Амурской и Ташкентской казенных железных дорог и 6 650 000 руб. на выдачу для той же цели беспроцентной ссуды²⁰.

Радикальный проект решения проблемы материального обеспечения государственных служащих и рабочих казенных предприятий выдвинул летом 1919 г. министр путей сообщения Л. В. Устругов. Первоначально свой проект министр огласил на заседаниях Комитета экономической политики, потом в бюджетной комиссии Государственного экономического совещания. В условиях падающего курса рубля он предлагал ежемесячную индексацию заработной платы. Причем в выдвинутом проекте точкой отсчета должны были стать цены и зарплаты 1915 г. Вся тарифная сетка окладов 1915 г. соотносилась с существовавшим в том году прожиточным минимумом. Затем полученный коэффициент ежемесячно пересчитывали к текущему прожиточному минимуму и получали ежемесячно обновляемую шкалу зарплат. Это, во-первых, позволило бы восстановить существовавшую до революции прогрессию денежных выплат работникам разной квалификации, во-вторых, должно было поддерживать уровень жизни государственных рабочих и служащих примерно на дореволюционной отметке. Сам Л. В. Устругов признавался, что правительство может, исходя из своих денежных резервов, установить любой удобный базовый коэффициент. Важно, что с определенного момента будет осуществлен переход на новый принцип пересчета зарплат²¹.

Поднятый Л. В. Уструговым вопрос 26 августа 1919 г. обсуждался на заседании Совета министров. На нем решено было взять за базовый (нормальный) заработок ту зарплату, которую выплачивали рабочим и служащим по штатному расписанию по 1916 г. включительно. Но при этом в расчет не принимались никакие надбавки на дороговизну. Прожиточный минимум, на основании которого осуществлялся пересчет заработков, устанавливал комитет при Министерстве труда. Текущий заработок определялся по формуле:

$$S = a + \left(\frac{a}{100} + x\right)m, \quad x = \frac{1,55m - 20}{m},$$

где S – месячное содержание или заработок; a – нормальное содержание или заработок; m – прожиточный минимум для одного взрос-

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства (Омск). 1919. № 13. Ст. 118.

Приводится по: [4. Вып. 2. С. 212].

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 109 об. – 110.

¹⁸ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 220–221, 228–229; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 52.

¹⁹ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 81 об.

²⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 1–4.

²¹ Там же. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 1. Л. 42–49.

лого, объявляемый особым комитетом при Министерстве труда. Содержание или заработков женщин, занятых физическим трудом, подростков и малолетних обоего пола уменьшался на 0,5 прожиточного минимума для первых, на 0,75 минимума для вторых и на 1 минимум для последних.

Пересчет содержания или заработков предполагали производить при изменении прожиточного минимума в сторону повышения на 20 % или понижения его на 15 %²². Такой путь обещал существенное увеличение заработков. Так, получавшие в 1916 г. 50 и 200 руб. оклада могли рассчитывать на 1 374 и 2 274 руб. соответственно (подсчет наш. – В. Р.). Государственный контролер Г. А. Краснов выступил с предостережением, что принятие подобного проекта потрясет правильные основы государственного бюджета и нанесет тяжелый удар по финансовому положению страны. Несмотря на это, 9 августа 1919 г. Совет министров постановил создать при Министерстве труда комиссию по выработке прожиточного минимума, а при местных инспекциях труда – комиссии для сбора материалов о ценах, на основе которых этот минимум следует выработать²³.

Но 4 сентября опять по просьбе государственного контролера во избежание разнообразия окладов, на основании которых будет производиться пересчет, решили произвести согласование окладов, установив в случае разночтения одинаковые ставки одним и тем же должностям в разных ведомствах. Это должно было еще больше отдалить долгожданную индексацию зарплат²⁴.

Наконец, убедившись в невозможности ввести гибкий механизм индексации зарплат государственным служащим в силу совершенной обременительности его для казны, Российское правительство пошло по пути механической индексации выплат. Но в результате ряда перетасовок с добавлением и вычитанием надбавок реальное увеличение зарплаты служащих и рабочих казенных предприятий оказывалось намного скромнее продекларированного уровня²⁵. 28 октября 1919 г. было обещано, что все ставки рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, жалование военно-служащим будут увеличены не в 2,5, а в 3 раза. Причем решено было провести увеличение с августа²⁶.

В соответствии с принятым решением полагалось задним числом выплатить повышенную

зарплату за три прошедших месяца. Однако денег в бюджете не было и проследить, в какой степени это решение удалось провести в жизнь, практически невозможно. Постановление 28 октября предусматривалось ввести в действие по телеграфу, не дожидаясь опубликования, и следовательно, начать немедленную выплату денег. Само же увеличение выплат в исчислении за один месяц с учетом ликвидации надбавок оказалось не таким уж высоким. Доходы служащих выросли на 20–30 %. Уровень цен в осенние месяцы 1919 г. «скакал» вверх на 50–100 % ежемесячно. Не удивительно, что служащие принялись сразу же ходатайствовать о восстановлении прежних процентных надбавок к уже новым ставкам оплаты²⁷.

Итак, в течение второй половины 1918–1919 гг. на востоке России был восстановлен и функционировал значительный отряд служащих, нанимаемых государством и получавших жалование от казны. Как и до революции, он не был однородным, а состоял из служащих высших центральных и местных государственных учреждений, работников судебных органов и милиции, системы образования и здравоохранения. Утвердившееся с советских времен в историографии мнение о том, что антибольшевистское руководство проявляло особую заботу о государственных служащих, является вполне справедливым. Но выводы о роскошной жизни колчаковских чиновников, безусловно, следует признать мифом. Изменившиеся социально-экономические и бытовые условия требовали от антибольшевистских правительств серьезной адаптации нормативной базы. Нужно отметить, что низкие заработки среднего и нижнего звена государственных служащих всегда были в России обычным явлением. Существовавший ранее порядок начисления твердых ставок в соответствии со штатным расписанием в условиях инфляции усугубил эту ситуацию еще больше. Введение многочисленных надбавок и доплат смягчало материальное положение служащих, но не решало проблему. Подавляющая часть работников государственных предприятий и учреждений оказалась за чертой бедности. В отсутствие достаточных средств государственные органы проявили стремление решать проблему хотя бы частично, выделяя отдельные категории служащих, на которых распространялись новые надбавки. Но такой паллиатив не мог оправдать себя – очень быстро выяснялось, что узким местом оказывались и многие другие категории служащих и рабочих казенных предприятий. Очередная привилегия быстро распространялась на другие категории работников. Кроме того, любая над-

²² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 141 – 141 об.

²³ Там же. Л. 147 – 147 об.

²⁴ Там же. Л. 152.

²⁵ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 13 об.; Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 193–194.

²⁶ Правительственный вестник (Омск). 1919. 4 нояб.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 216 – 216 об.

²⁷ Городской архив Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 78.

бавка смягчала материальное положение служащих лишь на ближайший месяц-два. Дальше надбавка переставала покрывать галопирующую инфляцию.

Вместе с тем нищенское существование служащих практически не повлияло на их политические настроения. Они в большей степени зависели от традиционного отношения к государству. Если среди учителей и врачей был широко распространен оппозиционный настрой по отношению к власти, то среди служащих министерств внутренних дел, путей сообщения, земледелия и др. преобладали лояльные позиции.

Очевидно, что ставка на сохранение преимущественно денежной формы материального вознаграждения за труд в условиях дефицита не оправдала себя. Натуральные формы оплаты труда использовались весьма слабо, носили вспомогательный характер. Хотя очевидна тенденция к усилению их роли со временем. В полной мере их значение лидеры антибольшевистского движения осознали лишь под «завесой» своей борьбы. Они явно опасались заимствовать у большевиков их опыт, оправдавший себя в условиях гражданской войны. Намного быстрее, к концу 1918 г., обозначилось стремление в условиях инфляции и товарного дефицита в процессе повышения заработной платы сглаживать различия в материальной оценке разных категорий служащих. Сходство с тем, что происходило в условиях советской власти, очевидно, хотя это не осознавалось лидерами контрреволюции.

Список литературы

1. *Зими́на В. Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997.
2. *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.
3. *Малыгин А. Я., Степанов М. М.* Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999.
4. *Выявление* и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. 1–3.
5. *Руднев С. П.* При вечерних огнях: Воспоминания. Харбин, 1928. Т. 1.
6. *Паркинсон А.* Законы Паркинсона. М., 1989.
7. *Звягин С. П.* Из опыта финансирования милиции Всероссийским временным правительством в 1919 г. // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. Материалы межвуз. науч. конф. М., 1995.
8. *Звягин С. П.* Из практики Всероссийского Временного правительства по содержанию милиции на частные средства // 50 лет Великой победы: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995.
9. *Сибирская милиция (1918–1919 гг.).* Сборник нормативно-правовых документов. Кемерово, 1996.

Материал поступил в редакцию 17.10.2006